

2. Гришенкова Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский Пед. Вестн. — 2005. — № 1. — С. 20—24.
3. Пределы компетенции лингвиста-эксперта по различным категориям дел [Электронный ресурс] // Сибирская ассоциация лингвистов-экспертов Режим доступа: <http://siberia-expert.com/index/0-24>. — Заглавие с экрана.
4. Романова Н.Н. Лингвистическая экспертиза текста как инструмент его логико коммуникативной параметризации. Гуманитарный вестник, 2013, вып. 3 (5). — Режим доступа: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/51.html>. — Заглавие с экрана
5. Хазимуллина Е.Е. Лингвистическая экспертиза текстов с имплицитным содержанием [Электронный ресурс] // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юриколингвистическая герменевтика: вторая интернет-конференция. — Режим доступа: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/5-1-0-138. — Заглавие с экрана.

М.Н. Краюшкина
Россия, Барнаул
Алтайский государственный педагогический университет
Научный руководитель д.ф.н., доцент О.В. Марьина

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ В ПЕРВИЧНОМ И ВТОРИЧНОМ
ТЕКСТЕ: НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА К. МЭНСФИЛД «ЧАШКА ЧАЯ»
И ЕГО ПЕРЕВОДАХ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Проблемы межъязыкового взаимодействия и перевода редко остаются без внимания. Перевод сам по себе является сложным как вид деятельности. Обнаруживается несоответствие «словарных соответствий» при переводе, вызванное тем, что «разные языки – это отнюдь не различные обозначения одной и той же вещи, а различные видения ее» [3, с. 349].

По мнению У. Эко, «переводить – всегда значит "счищать" часть последствий, предполагавшихся словом оригинала. В этом смысле при переводе никогда не говорится то же самое» [5, с.52]. В данной статье мы рассмотрели, насколько и каким образом проявляются расхождения при переводе. Это происходит на различных уровнях, в том числе и на уровне события, и проявляется в репрезентации всех его компонентов.

Событие – это многокомпонентное явление. Неоднороден только круг компонентов, выделяемый учеными. На основании имеющихся исследований

ученых (Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, В.А. Подороги, Т.В. Радзиевской, В.П. Руднева, Н.А. Самойленко, Н.Д. Тамарченко, В.Я. Шабеса и др.) мы выделили следующую структуру события: участники события, характеристика участников, отношения между участниками, пространственно-временная локализация, связь события с другими событиями.

Выделение данных составляющих позволяет нам выявить особенности реализации событий в первичном и вторичном текстах в рамках лингвокультурологического подхода.

Обратимся к рассказу Кэтрин Мэнсфилд «A cup of tea» и его переводам на русский язык О. Слободкиной и Э.Л. Линецкой и проследим, каким образом проявляются расхождения при переводе.

Исходя из проведенной нами сравнительной характеристики отражения событий в первичном и вторичных текстах, мы пришли к выводу, что текст-первоисточник и его переводы имеют одинаковое количество событий (7 событий). Несоответствия наблюдаются в их реализации.

В реализации первого события были выявлены различные способы лексического выражения эмоций. Мы пришли к выводу, что во вторичных текстах О. Слободкиной и Э.Л. Линецкой русскому прилагательному «*симпатичная*», передающим эмоциональное состояние, соответствует большая эмоциональность и экспрессивность, нежели английскому в первичном тексте: «*pretty*», что значит «*хорошенькая*», что объясняется сложившимися особенностями разных культур. В одном из переводов (О. Слободкиной) наблюдается произвольное упущение (по усмотрению переводчика) фактов из жизни героини (наличие сына). Кроме того, мы видим, что и сами факты по-разному отображаются в тексте. Например, в первичном тексте находим: «*Rosemary had been married two years*», что значит «*Розмари была замужем два года*». В тексте Э.Л. Линецкой читаем: «*Два года назад Роузмери вышла замуж*». В другом переводе, О. Слободкиной: «*Роузмери вышла замуж два года назад*». Оба переводчика заменяют выражение К. Мэнсфилд «*была замужем*» на выражение «*вышла замуж*». Мы объясняем данное несоответствие желанием переводчиков использовать более понятное и привычное для русскоязычного читателя устойчивое сочетание. В русской культуре словосочетание «*выйти замуж*» означает «*встать позади мужа*». Русскому сознанию свойственно представление о подчиненном положении женщины. Таким образом, можно проследить следующую ассоциативную цепочку: «*выйти замуж*» - «*идти за мужем*», «*следовать за мужем*», которая подчеркивается покорностью русских женщин, осознанием того, что брачный союз - та ценность, которая дается свыше. В английском языке данная идея передается посредством словосочетаний «*to be married*» (*быть женатым / замужем*) и «*get married*» (*жениться / выйти замуж*). Однако, как указывают некоторые исследователи (Дж. Горер, В. Овчинников), одной из характерных особенностей англоязычного сообщества является ярко выраженный индивидуализм, осознание свободы как наивысшей ценности.

Следовательно, для английской культуры «*быть замужем*» - это, прежде всего, состоять в браке при равных партнерских взаимоотношениях. Таким образом, О. Слободкина и Э.Л. Линецкая заменяют английское выражение «*была замужем*» на исконно-русское устойчивое сочетание «*вышла замуж*».

В двух переводах второго события наблюдается упущение притяжательного местоимения перед названием части тела, что обусловлено особенностями грамматического строя языка (притяжательные местоимения в английском языке часто употребляются перед названиями частей тела и предметов одежды, сохранение таких местоимений в переводе излишне, т.к. противоречит нормам русского языка). В первичном тексте: «*...clasped his hands...*» – «*...сжимал свои руки...*». Во вторичном тексте О. Слободкиной читаем: «*Стискивал руки...*». В другом переводе Э.Л. Линецкой: «*...складывал руки...*».

Во втором событии во вторичных текстах наблюдаются различные способы лексического выражения эмоций. Кроме того, в одном из переводов (Э.Л. Линецкой) встречается произвольная замена заимствованного обращения «*madam*» на исконно-русское обращение «*сударыня*», которое является более близким и понятным русскоговорящему читателю.

При реализации третьего события была выявлена неоднородность в характере способа лексического выражения времени. Во вторичных текстах выражается некоторая неопределенность, а не точность, присущая английскому языку. В первичном тексте находим: «*Madam, may I speak to you a moment?*» (*сейчас / в этот момент*). Во вторичном тексте О. Слободкиной – «*Мадам, можно Вас на минуточку?*». Лексема «время» в русском языке произошла от «веремья», которое родственно словам «*вертеть*», «*веретено*». В русской картине мира, таким образом, идея времени связана с идеей повторяемости, регулярности, цикличности. Русский язык отражает время, которое движется по кругу, циклично. Циклично – это «на майские», «к октябрьским», «на крещение». В английской культуре время линейно, одномерно, однонаправленно и необратимо. Пунктуальность – одно из генетически связанных с английской нацией понятий. Точность является неотъемлемым атрибутом англичан, рассматривается ими как гарантия надежности. Об этом, в частности, говорят пословицы: «*time and tide wait for no man*» («*Время и прилив никого не ждут*»), «*lost time is never found again*» («*Потерянного времени не воротить*»), «*there is no time like the present*» («*Нет времени как настоящее*»). «*Punctuality is the best virtue*» («*Пунктуальность – лучшая сила*»). Видно, что чувствительное отношение ко времени в английской культуре не отвечает русским представлениям о его использовании: «поживем – увидим», «еще не вечер», «когда рак на горе свистнет». Понятие «минуточка» в русском языке не связано с конкретным промежутком времени, равным 1/60 часа. Это возможность обратить на себя внимание. Мы используем данный оборот «можно Вас на минуточку» для того, что бы человек уделит нам время.

Следовательно, время в английском языке более детализировано, в русском оно скорее неопределённо.

В другом переводе, Э.Л. Линецкой, девушка обращается к главной героине так: *«Сударыня, можно мне обратиться к вам с просьбой?»*. Переводчик не употребляет слов со значением времени. Э.Л. Линецкая делает акцент на намерение девушки, а именно «обратиться с просьбой». Таким образом, переводчик в данном случае не обращает внимания на время, как это делает К. Мэнсфилд, что связано с характерным для русской культуры ощущением времени.

Рассмотрим следующий пример. Главная героиня приглашает девушку к себе домой выпить чашку чая и согреться. В первичном тексте читаем: *«I want you to» (я хочу)*. Во вторичном тексте О. Слободкиной – *«Я Вас приглашаю»*. Данное различие связано с особенностью национального самосознания. Традиционно для русского человека характерно гостеприимство, открытость, щедрость. Об этом говорят пословицы и поговорки: *«Что есть в печи, то на стол мечи»*, *«На что и звать, коли нечего дать»*, *«Изба красна углами, обед пирогами»*. Одной из ведущих характеристик англичан является индивидуализм, который при сравнении с русской культурой, противопоставлен коллективизму, или соборности.

Н.А. Бердяев объясняет недостаточное развитие личного начала в русской жизни тем, что «в русской истории не было рыцарства, этого мужественного начала.<...> Русский народ всегда любил жить в теле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери» [1, с.13-14]. Следовательно, в первичном тексте главная героиня, приглашая девушку к себе домой, использует выражение *«I want you to»*, что значит *«Я хочу»*. Употребление данного глагола *«хочу»*, характерно для национальной особенности англичан. Во вторичном тексте О. Слободкиной Роузмери использует выражение *«Я Вас приглашаю»*, которое передаёт гостеприимство и щедрость русского человека. В другом переводе Э.Л. Линецкой находим: *«Мне этого хочется»*. Данная конструкция является близкой по значению подобной конструкции из текста-первоисточника. Таким образом, Э.Л. Линецкая сохранила в предложении главной героини характерную национальную черту англичан (индивидуализм) и черту характера поведения Роузмери (главная героиня богата, обеспечена, по социальному статусу выше девушки, поэтому своё желание выражает в привычной для неё форме глагола *«хочу»*).

В реализации четвертого события наблюдаются различные способы морфологического и интонационного выражения эмоций. В тексте-оригинале главная героиня, успокаивая девушку, говорит: *«Don't cry any more»*, что означает *«Не плачь больше»*. Подобный перевод находим во вторичном тексте О. Слободкиной: *«Не надо больше плакать»*. Несоответствие наблюдается в переводе Э.Л. Линецкой: *«Ну, не плачьте!»*. Видно, что в данном вторичном тексте переводчик добавляет междометие и заменяет невосклицательное предложение восклицательным, что объясняется большей эмоциональностью

русских в отличие от эмоциональной сдержанности англичан.

В воспроизведении пятого события выявлены различные способы грамматического изъяснения желания. В первичном тексте читаем «*I wanted you to come*», что значит «*Я хотел, чтобы ты зашла*». Во вторичном тексте О. Слободкиной находим «*Не могла бы ты зайти*». В переводе Э. Л. Линецкой – «*Мне нужно, чтобы ты на минутку зашла*». Мы видим использование в тексте-оригинале личного местоимения 1 лица единственного числа и глагола, значение которого отражает категоричное желание, что объясняется индивидуализмом и эгоцентризмом англичан. Во вторичном тексте О. Слободкиной заметна большая отстраненность, обусловленная общительностью и гостеприимством русских. Текст Э.Л. Линецкой остается ближе к тексту-оригиналу (переводчик сохраняет характерные англичанам черты).

При реализации шестого и седьмого событий отмечаются различные способы лексического выражения эмоций, связанные с национальными особенностями разных культур. Во вторичных текстах О. Слободкиной и Э.Л. Линецкой употребляются прилагательные, значение которых отражает большую эмоциональность русских по сравнению с прилагательными текста-первоисточника, отражающими характерную англичанам «скупость» в проявлении эмоций. Так, например, в первичном тексте читаем «*pretty*», что значит «*хорошенькая*», во вторичном тексте О. Слободкиной – «красивая» или в первичном тексте Роузмери характеризует шкатулку так: «*fascinating*» (*привлекательная*). В переводе Э.Л. Линецкой находим следующую характеристику: «*восхитительная*». Во вторичном тексте О. Слободкиной Роузмери называет шкатулку «*бесподобная*».

Таким образом, описывая реализацию событий в первичном и вторичных текстах в культурологическом аспекте, мы установили различия, связанные с особенностями мироощущения в разных культурах, с особенностями их национального самосознания и ощущением действительности.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. Душа России – Л., 1990,– 42с.
2. Gorer G. Exploring English Character. N.Y., 1955, – 133с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры – М., 1985, – 448с.
4. Овчинников В. Сакура и дуб – К., 1986. – 347с.
5. Эко У. Сказать почти то же самое: опыты о переводе – М., 2006,– 574с.